схеме комедии «Бедность не порок».[4] Думается, что С. И. Ожегов в основном прав, однако неправомерно отрицать и возможность непосредственного воздействия на творчество Островского опыта Плавильщикова. По словам Л. И. Кулаковой, «комедия Плавильщикова „Сиделец" является как бы итогом всего, что было сказано русскими писателями о купечестве»; несмотря на всю ограниченность политических взглядов, Плавильщиков своей страстной борьбой за создание национальной культуры и в особенности национального театра, доступного широким массам, отразил те тенденции, которые были близки и дороги демократическим кругам не только XVIII, но и XIX века».[5]

В начале 50-х годов временно отошедшему от критического направления драматургу, по-видимому, импонировали эстетические и художественные взгляды Плавильщикова. Весьма возможно, что они не только принимались, но и были предметом обсуждения в кружке «молодой редакции» «Москвитянина», консервативная программа которого известна. В свое время Плавильщиков советовал «остерегаться, чтобы к развязке зрелища не оставался порок торжествующим», так как, по его мнению, «это право принадлежит единой добродетели».[6] Славянофильская установка Островского, его эстетическое кредо, выраженное в письме к М. П. Погодину от 30 сентября 1853 г. — «пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует», — определили характер развязки и образную систему «Бедности не порок».

Л. М. Лотман обнаружила стремление автора «Бедности не порок» «подчеркнуть народно-эпическое начало жизни героев в ущерб их социальной определенности»[7] и пришла к выводу, что драматург сознательно упрощал построение пьесы, вводил условности, характерные для притч и народных сказок, театральные штампы. Нет сомнений и в том, что фабула (схема сюжета) комедии «Сиделец» была для Островского одним из таких драматургических штампов, использованных в расчете на их доступность.

Однако все это лишь одна сторона дела. К середине 50-х годов «Сиделец» Плавильщикова был уже вполне забытым произведением, в то время как «Бедность не порок» после первых публичных чтений, еще до постановки на сцене, имела успех, который, по словам автора, «превзошел не только ожидания, но даже мечты» его. Позднее, как известно, «эта пьеса из года в год, вплоть до Октябрьской социалистической революции, занимала в репертуаре

---

[4] И. С. Ожегов. О языке купеческой комедии П. А. Плавильщикова. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 72.

[5] Л. И. Кулакова. Петр Алексеевич Плавильщиков. Изд. «Искусство», М.—Л., 1952, стр. 87, 103.

[6] П. А. Плавильщиков, Сочинения, ч. 4, СПб., 1816, стр. 50.

[7] Л. М. Лотман. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 111.